Оригинальная статья / Original article

УДК 330.34
http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-5-618-632

Анатомия теневой экономики: структура, динамика и влияние на макроэкономическую стабильность в периоды кризисов

Даниил Михайлович Оробченко
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, unecon@orobchenko.ru, https://orcid.org/0009-0000-1905-9297

Аннотация

Цель. Проверка гипотез о контрцикличном характере теневой экономики и ее роли в качестве «амортизатора социальных издержек».

Задачи. Изучить динамику и структуру теневой экономики и занятости в периоды кризисов 2008–2009 гг., 2014–2016 гг. и 2020–2022 гг.; проанализировать способность теневой экономики абсорбировать безработицу и сглаживать падение экономики; выделить составляющие динамики теневой экономики в период кризисов.

Методология. Статья основана на анализе оценок ненаблюдаемой экономики, микроданных обследований рабочей силы Росстата и Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ. Проанализирована динамика теневого валового внутреннего продукта (ВВП), занятости без оформления, уклонения от налогов, незарегистрированной предпринимательской деятельности. Разработаны балансовые модели переходов работников между официальной и теневой занятостью.

Результаты. Данные показали, что теневая экономика обладает высокой гибкостью и способна в кризисы временно поглощать часть безработных и валового выпуска. Однако ее влияние на макроэкономическую стабильность ограничено. Теневая занятость служит фактором нестабильности для теневых работников. Выделено три группы субъектов, определяющих динамику теневой экономики: укорененные, аутсайдеры и реактивные. Основная часть теневой экономики сосредоточена в малом и среднем бизнесе.

Выводы. Теневая экономика может и способствовать поддержанию экономической активности, занятости, и выступать драйвером кризисов. Необходимым, по мнению автора, является совершенствование государственного регулирования для облегчения легализации бизнеса и занятости «укорененного» сегмента теневой экономики.

Ключевые слова: *теневая экономика, неформальная занятость, социально-экономические кризисы, уклонение от налогов, занятость без оформления*

Для цитирования: Оробченко Д. М. Анатомия теневой экономики: структура, динамика и влияние на макроэкономическую стабильность в периоды кризисов // *Экономика и управлени*е. 2024. Т. 30. № 5. С. 618–632. http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-5-618-632

Anatomy of the shadow economy: Structure, dynamics and impact on macroeconomic stability in times of crises

Daniil M. Orobchenko
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, unecon@orobchenko.ru, https://orcid.org/0009-0000-1905-9297

Abstract

Aim. To test hypotheses about the counter-cyclical nature of the shadow economy and its role as a “shock absorber of social costs”.

© Оробченко Д. М., 2024

Objectives. To study the dynamics and structure of the shadow economy and employment during the crises of 2008–2009, 2014–2016 and 2020–2022; to analyze the ability of the shadow economy to absorb unemployment and smooth the fall of the economy; to identify the components of the dynamics of the shadow economy during the crises.

Methods. The article is based on the analysis of unobserved economy estimates, microdata of labor force surveys of Rosstat and the Russian Monitoring of Economic Situation and Health of the National Research University Higher School of Economics. The dynamics of shadow gross domestic product (GDP), employment without registration, tax evasion, and unregistered entrepreneurial activity is analyzed. Balance models of workers' transitions between formal and shadow employment were developed.

Results. The data showed that the shadow economy is highly flexible and can temporarily absorb part of the unemployed and gross output in crises. However, its impact on macroeconomic stability is limited. Shadow employment serves as a factor of instability for shadow workers. Three groups of actors that determine the dynamics of the shadow economy are identified: entrenched, outsiders and reactive. The bulk of the shadow economy is concentrated in small and medium-sized businesses.

Conclusions. The shadow economy can both contribute to the maintenance of economic activity, employment, and act as a driver of crises. In the author's opinion, it is necessary to improve state regulation to facilitate legalization of business and employment of the "rooted" segment of the shadow economy.

Keywords: *shadow economy, informal employment, socio-economic crises, tax evasion, unreported employment*

For citation: Orobchenko D.M. Anatomy of the shadow economy: Structure, dynamics and impact on macroeconomic stability in times of crises. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management.* 2024;30(5): 618-632. (In Russ.). http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-5-618-632

Введение

Теневая экономика остается значимым феноменом для Российской Федерации (РФ), оказывающим влияние на социально-экономическое развитие страны. Отечественная экономика в последние десятилетия переживает серию кризисов, связанных с финансовыми потрясениями, структурными дисбалансами, пандемией COVID-19, санкционным давлением. Роль теневого сектора в адаптации экономики и общества к кризисным условиям остается дискуссионным вопросом и требует углубленного анализа. В научной литературе существует ряд гипотез относительно контрциклического характера теневой экономики и ее способности абсорбировать занятость в период спадов. Вместе с тем эмпирические свидетельства в этом аспекте остаются фрагментарными и противоречивыми. Настоящее исследование подвергает проверке и уточнению на основе актуальных российских данных двух гипотез:

- в периоды социально-экономической нестабильности теневая экономика помогает «смягчить последствия резкого падения макроэкономических показателей за счет активизации теневого производства и неформального сектора экономики» [1, с. 22]. Иными словами, предполагается контрцикличность или ацикличность теневой деятельности, играющей роль «буфера» экономической активности;
- теневая экономика обладает компенсационной, амортизирующей функцией. В частности, она «дает выход недовольству способных и желающих трудиться работников» [2, с. 43]. Эта гипотеза предполагает, что теневая экономика поглощает, оказывает позитивное влияние на рынок труда и сокращает численность безработных.

Ненаблюдаемость теневой экономики прямыми статистическими методами и отсутствие валидных для внешних систем институтов затрудняют ее количественную оценку и размывают ее ядро. Как следствие, изучение данных гипотез ограничено отдельными областями. Так, изучено влияние теневой экономики на экономический рост [3], связь ее размера с темпами роста реального ВВП является дискуссионной [4]. Обсуждается возможная асимметричность этой связи [5]. Исследование Всемирного банка показало, что неформальная экономика (в указанной работе она отождествлялась с теневой) контрциклична по отношению к спадам в официальной экономике, но может быть процикличной относительно реального

валового выпуска [6]. Иными словами, в кризисные периоды «неформальная экономика» увеличивает свою долю, но ее спад в абсолютных величинах совпадает с официальной экономикой [6; 7, p. 105–106].

С. Гуриев и ряд других исследователей пишут о том, что теневая занятость поглощает часть безработных в кризис, но ее влияние ограничено десятью процентами безработицы и ведет к падению зарплат [8]. Отечественные исследования, например, коллектив Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН), указывают на возможный двукратный рост теневой экономики в период кризисов [9] и ее роль в «удержании страны и мира от окончательной катастрофы» [10, с. 78]. Н. Е. Булетова и коллеги на основании собственных оценок теневой экономики утверждают, что она может быть контрцикличной [11]. Р. М. Нуреев и Д. Р. Ахмадеев считают, что занятость в неформальном секторе (как правило, она пересекается с теневой экономикой) зависит от реальных доходов населения [12]. Ю. В. Симачев и коллеги полагают, что динамика теневой экономики определяется типом кризиса, с жесткой связью между безработицей и деятельностью в обычные кризисы и влиянием государственных мер и фактом выживания субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в структурные кризисы [13]. В. Е. Гимпельсон и Р. И. Капелюшников на матрицах переходов показали, что ротация работников неформального сектора может говорить об отсутствии четких барьеров между неформальным и формальным секторами [14]. Исследование влияния пандемии на теневую экономику, проведенное Н. Куницыным и А. Джиоевым, говорит о том, что занятость в неформальном секторе сократилась из-за бюджетного стимулирования и закрытия неэффективных предприятий [15]. Е. С. Кубишин обращает внимание на влияние закрытия МСП [16].

Материалы и метод

Нерешенной остается проблема учета валового выпуска теневой экономики. Широко известный подход Евростата «исчерпывающего охвата» рекомендует в том числе учет нелегальной продукции. В свою очередь, Росстат при учете ненаблюдаемой экономики (ННЭ) принципиально исключает выпуск незаконных товаров и услуг, к которым могут относиться сексуальные услуги, продажа краденого, производство наркотических средств и контрабанда [17]. Следовательно, прямой и достоверный анализ незаконной деятельности невозможен. Поэтому в настоящей статье нами рассмотрена популярная концепция теневой экономики как скрытой экономической активности по производству законных товаров и услуг. Такая позиция соответствует подходам, предложенным в Стратегии национальной безопасности РФ (Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) и Стратегии экономической безопасности РФ (Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208), в которых криминальная экономика отделена от теневой.

Нами использованы данные о корректировках валовой добавленной стоимости (ВДС) на ННЭ. С учетом неоднозначности методологии подсчета, в связи с частыми и радикальными пересмотрами подходов к оценке в нашей работе объем ННЭ в целом рассмотрен как теневой. Авторская интерпретация корректировок предполагает допущение того, что в большинстве случаев секторальные оценки двух следующих друг за другом периодов имеют одинаковую методологию. При этом существует фактор тренда на общее снижение «ненаблюдаемости» как за счет новых статистических подходов, так и за счет снижения распространенности теневых практик. Поскольку мы говорим о циклическом характере экономики, то интерпретируем оценки ВДС по секторам Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) в пересчете из доли, публикуемой Росстатом, в абсолютные величины (млрд руб.) постоянных цен (для 2003–2010 гг. в ценах 2008 г. и для 2011–2022 гг. в ценах 2016 г.).

Наш анализ теневой занятости и уклонения от уплаты налогов основан на микроданных обследований рабочей силы (ОРС) Росстата и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) ВШЭ [18]. Допускаем, что прямые ответы респондентов обычно дают реалистичное представление об их участии в теневой экономике. Однако необходимо учитывать ограничения ОРС и РМЭЗ: из-за дизайна анкетирования часть выборки может быть исключена. Например, РМЭЗ не учитывает оформления рабочих отношений вне предприятий (хотя это допустимо законодательством). Оба обследования также в малой степени или не охватывают данные об иностранных рабочих мигрантах.

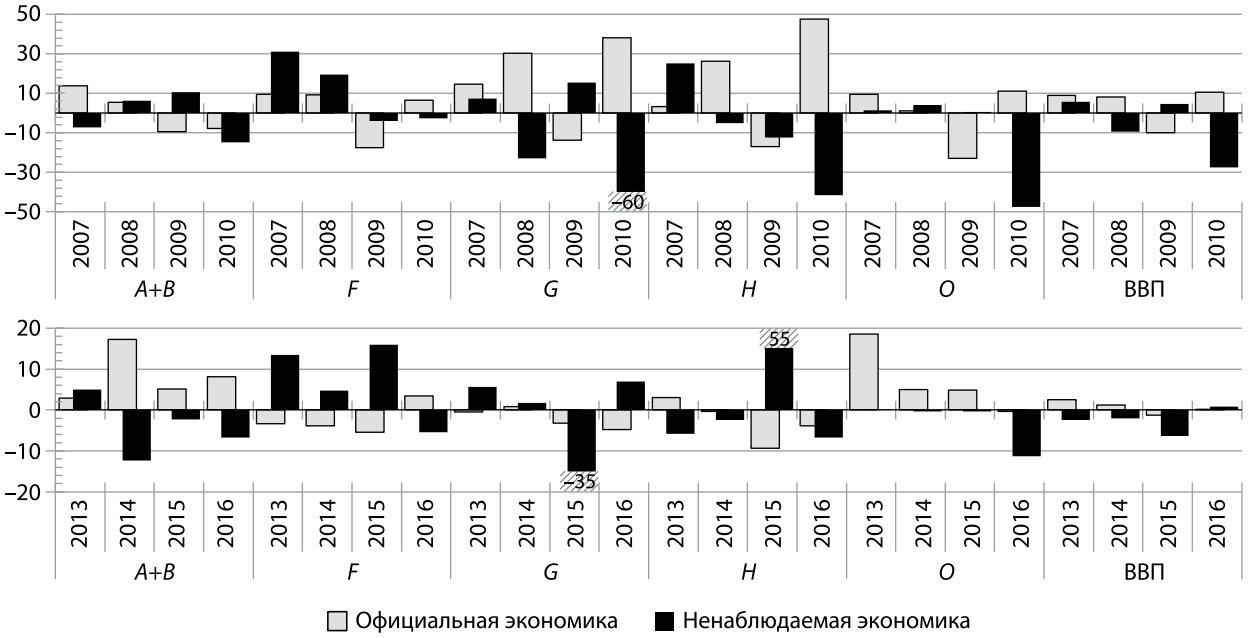

Рис. 1. Темп прироста теневой ВДС (в постоянных ценах) в 2009, 2014 гг.
Fig. 1. Growth rate of shadow GVA (in constant prices) in 2009, 2014

Примечание. Виды деятельности: *A + B* — сельское хозяйство и рыболовство; *F* — строительство; *G* — оптовая и розничная торговля; *H* — гостиницы и рестораны; *O* — прочие услуги.

Источник: рассчитано автором по корректировкам Росстата ВДС на ННЭ.

Результаты и обсуждения

Мировой финансовый кризис ННЭ встретила падением на 9,5 % теневого ВВП в 2008 г., а официальная экономика «закрылась» ростом на 8,1 %. Однако в 2009 г. ситуация изменилась: официальная экономика сократилась на 9,9 % ВВП, тогда как ННЭ увеличилась на 4,6 %, как показано на рисунке 1. Могут ли эти данные указывать на временную легализацию теневой экономики в условиях кризиса 2008 г., после которого последовал ее рост на фоне продолжающихся экономических трудностей?

Ответ должен учитывать отрасли экономики и их динамику. Так, отрасли с традиционно высокой долей теневых практик — сельское хозяйство, торговля, строительство, операции с недвижимостью (за исключением услуг по размещению и общепиту) — показали формальный рост на фоне кризисных явлений и последующий резкий спад в 2010 г. Подобную динамику можно интерпретировать как описанный ранее буфер, при котором теневая экономика позволяет выжить предприятиям в условиях нестабильности, а затем также вернуть экономических субъектов в институализированную среду. Иная динамика наблюдалась в период рецессии 2014–2016 гг., когда мы видим резкое падение в основных отраслях ННЭ. Лишь строительство и, возможно, общепит показали динамику «амортизатора».

В кризис 2020 г. только строительный сектор и теневой рынок недвижимости (не в последнюю очередь на фоне государственной поддержки) продемонстрировали некоторые очевидные признаки сглаживания макроэкономической конъюнктуры, как видно на рисунке 2. Предполагая, что теневая экономика имеет динамику, синхронизированную с официальной экономикой, можно утверждать, что в 2009 г. ННЭ смогла сохранить около 2,2 % ВВП, включая спасение от дополнительного сокращения торговли на 6–8 %, сельского хозяйства на 5–11 %, сектора услуг на 3–4 %, обрабатывающей промышленности до 2,5 % и строительства до 3 %.

И наоборот, в начале рецессии середины 2010-х гг., за исключением строительства и питания, ННЭ выступала драйвером падения. Однако к 2016 г. ННЭ, возможно, сократила падение на 1 % в обрабатывающей промышленности и торговле. Наконец, несмотря на тотальное падение теневого сектора в 2020 г., ННЭ, вероятно, незначительно смягчила падение за счет этих же строительного сектора (1,3 %), сектора размещения и питания (2 %) и операций с недвижимостью (1,4 %). В рецессию 2022 г. эффект теневой

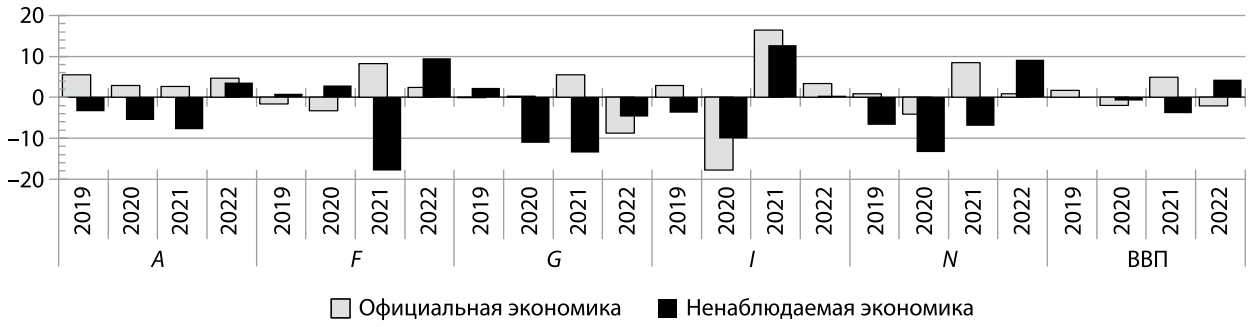

Рис. 2. Темп прироста компонентов ВДС (в постоянных ценах) в кризисы 2020-х гг.
Fig. 2. Growth rate of the GVA component (in constant prices) in the crises of the 2020

Примечание. Виды деятельности: *A* — сельское хозяйство и рыболовство; *F* — строительство; *G* — торговля оптовая и розничная; *I* — деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; *N* — деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги.

Источник: рассчитано автором по корректировкам Росстата ВДС на ННЭ.

экономики может быть более существенным, достигнув 1% ВВП, включая 3 % в операциях с недвижимостью, 1 % в строительстве и 0,4 % в торговле.

Очевидно, что эти расчеты не учитывают возможного обратного влияния, при котором в период кризиса теневые производства легализуются из-за государственного давления или сокращения конкуренции в официальной экономике. Кроме того, данные расчеты не включают в себя возможный механизм поддержки уровня доходов и сохранения занятости. Поэтому для анализа динамики теневой занятости нами использованы показатели занятости без оформления (Росстат называет их «незарегистрированной рабочей силой», как следует из приказа Росстата от 30 июля 2014 г. № 493).

Динамика занятости на основании устных договоренностей, как видно на рисунке 3, показывает, что после роста числа неоформленных работников по большинству профессий в 2008 г., уже по итогам 2009 г., произошло частичное возвращение на докризисный уровень, а к 2010 г. немногие профессиональные группы сохранили результаты импульса 2008 г. Данные свидетельствуют о том, что в 2008 г. неоформленная занятость могла поглотить часть ранее оформленных работников. Однако ее снижение на следующий год стало одним из драйверов роста безработицы до 8,3 %, так как численность неоформленных снижалась быстрыми темпами.

Еще до кризиса середины 2010-х гг. появилась тенденция на увеличение доли неоформленных работников среди неквалифицированной рабочей силы, занятой физическим трудом, и «синих воротничков». Период макроэкономической нестабильности, начавшийся в 2014 г., сохранил указанную тенденцию. При этом, если в период мирового финансово-экономического кризиса наблюдался рост доли неоформленных рабочих мест в общем количестве рабочих мест и такое же резкое падение доли неоформленных к 2010 г., то во втором случае прослеживается поступательный рост с начала 2010-х гг., который зафиксирован во время кризиса на уровне 4,4 %, а затем снизился к 2016–2017 гг.

Неоформленные работники увереннее всего чувствовали себя в отраслях с приоритетом физического труда (к ним отнести можно сельское хозяйство, строительство, транспорт, обрабатывающую промышленность) и на неквалифицированных рабочих местах. Первоначальные действия Государственной инспекции труда, которые привели к официальному оформлению 285 тыс. работников, действительно, могли способствовать легализации неоформленных. Однако продолжение этих мер в 2015 г., включая оформление 246 тыс. ранее неофициально трудоустроенных работников, не дало ощутимого результата: занятость без оформления продолжила расти более быстрыми темпами, чем официальная.

Кризис 2020-х гг. отличался от описанных ранее периодов значительным сокращением средней продолжительности рабочей недели неоформленных, как видно на рисунке 4. Пандемия и режим самоизоляции привели к снижению неформального трудоустройства практически во всех отраслях и профессиональных группах.

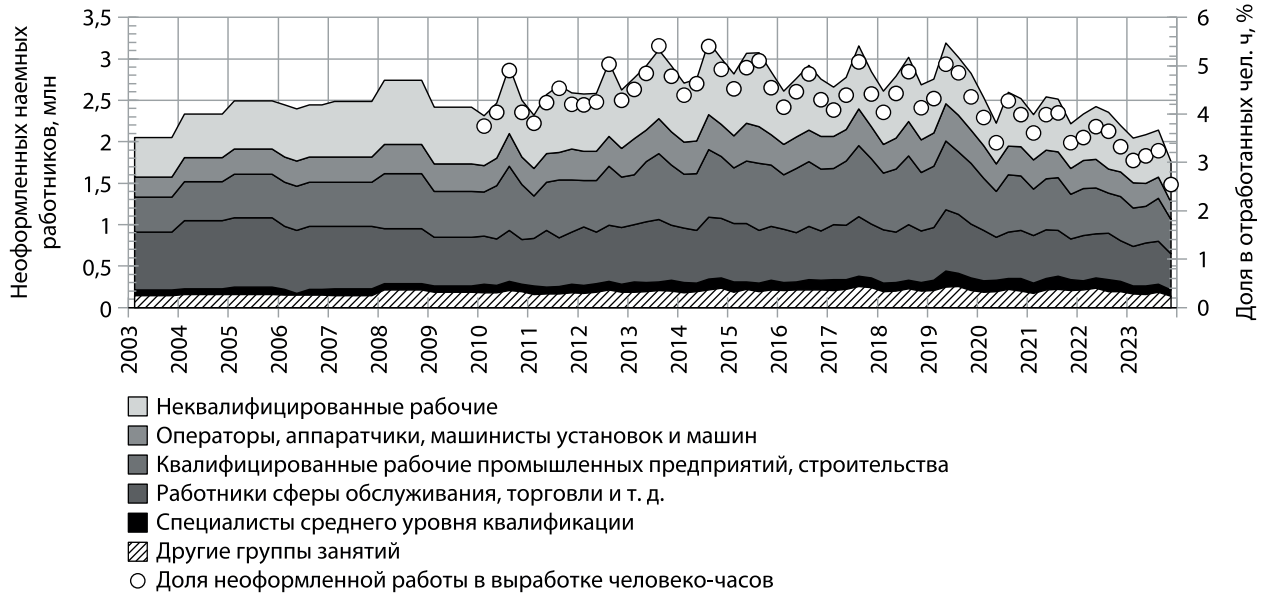

Рис. 3. Динамика неоформленной занятости
Fig. 3. Dynamics of unregistered employment

Источник: с 2003 по 2009 г. — годовые оценки занятости только по основному месту занятости, предоставленные Росстатом; с 2010 г. — квартальные оценки по количеству рабочих мест, рассчитанные автором по микроданным ОРС.

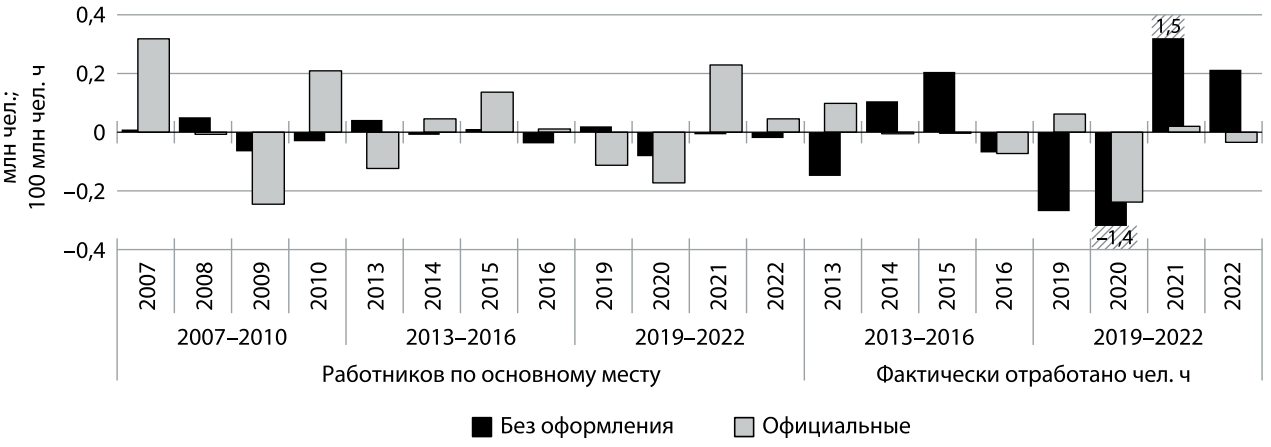

Рис. 4. Динамика численности неоформленных работников
Fig. 4. Dynamics of the number of unregistered workers

Источник: до 2009 г. — данные, предоставленные Росстатом на запрос автора статьи; с 2010 г. — расчеты автора по микроданным ОРС.

По агрегированной статистике мы не можем точно отделить работников, которые вынуждены были обратиться к теневым практикам в условиях неблагоприятной макроэкономической ситуации, от тех, кто прибегал к теневым практикам до ухудшения конъюнктуры. Для оценки следует использовать лонгитюдные данные (например, РМЭЗ ВШЭ). Для этого сравним ответы респондентов в отчетном периоде с ответами в предшествующем («пополнение») и следующем («выбытие»). Совокупность ответов респондентов формирует так называемый баланс теневой экономики, как показано на рисунке 5, отражающий динамику изменения статуса занятости. Вместе с тем существуют альтернативные модели (например [14]), описывающие этот схожий подход к теневой занятости.

Итак, данные РМЭЗ ВШЭ свидетельствуют о том, что приток новых оформленных работников в основном состоит из ранее безработных, а не из тех, кто неофициально занят. Неоформленные работники прошли долгий путь: от 25 % сохраняющих неоформленную занятость в 2002 г. до 53 %

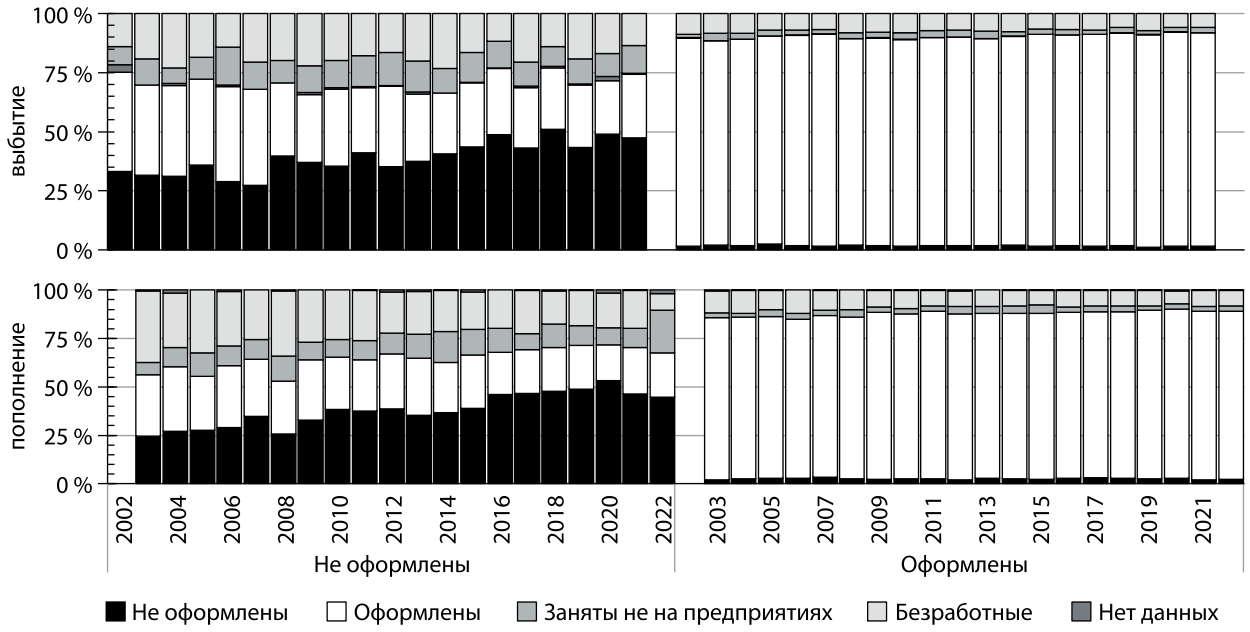

Рис. 5. Баланс занятости без оформления (основное место работы)
Fig. 5. Balance of unreported employment (main place of work)

Примечание: расчеты автора по микроданным РМЭЗ ВШЭ (выборка в целом). Условия трудоустройства только по занятым на предприятиях. Поток пополнения смещен вперед из-за отсутствия вопроса об оформлении в анкете 2001 г., поток выбытия смещен из-за отсутствия данных на 2023 гг.

к 2020 г. В свою очередь, главными источниками новых неоформленных работников являются ранее оформленные (до 33,3 %) и ранее безработные (до 36,8 %).

Во все периоды кризисов доля оформленных работников, которые остались оформленными, несколько возрастала. Вместе с тем доля ранее неоформленных работников, получивших формальные места в периоды кризисов, снижалась: в 2007–2009 гг. — с 41 % до 29 %, в 2014–2015 гг. — с 34 % до 26 %. «Амортизатор социальных издержек», служивший в докризисные годы ступенькой к будущему оформлению, в кризисы 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. оставил каждого пятого неоформленного без работы. Между тем доля неформальных работников, которые годом ранее не имели доходного занятия более месяца, возрастает в кризисные периоды: в 2008 г. — с 36 до 46 %, в 2014 г. — с 34,5 до 37,3 %. Лишь кризис 2020 г. повлек снижение доли ранее безработных с 28,2 до 26,8 %.

Эмпирические данные указывают на то, что в прошлом веке занятость без оформления была своего рода экономикой поиска. В 1998 г. более половины всех неоформленных работников вынуждены сменить как место работы, так и профессию, но уже к кризису 2008 г. занятые без оформления имели относительную стабильность. К концу 2008 г. неоформленная занятость сократилась, и рекордные 40 % неоформленных получили официальное трудоустройство через год. Таким образом, в 2008 г. неоформленная занятость обновилась почти наполовину за счет ранее безработных и занятых вне организаций. Вместе с тем в 2009 г. произошли значительное снижение доли «обелившихся» работников и консервация «белого» рынка, тогда как неоформленный сегмент продолжал привлекать безработных (до 22 % ранее безработных получили работу без трудовой книжки). Оформленные работники сохранили рабочие места в 2008 г., но уже на следующий год 2 % оформленных перешли в число неоформленных. На фоне этого занятость без оформления не смогла предотвратить потерю работы 8 % оформленных работников.

Кризис середины 2010-х гг. повторил эту динамику. До кризиса рынок «обелялся», но после шоков вновь консервировался. На пике в 2016–2017 гг. каждый пятый безработный находил работу на условиях без оформления. Рост рисков безработицы вновь привел к переходу 2 % работников на неоформленные позиции, а 7,5 % вновь остались без работы. И вновь занятость на основании устных договоренностей активно

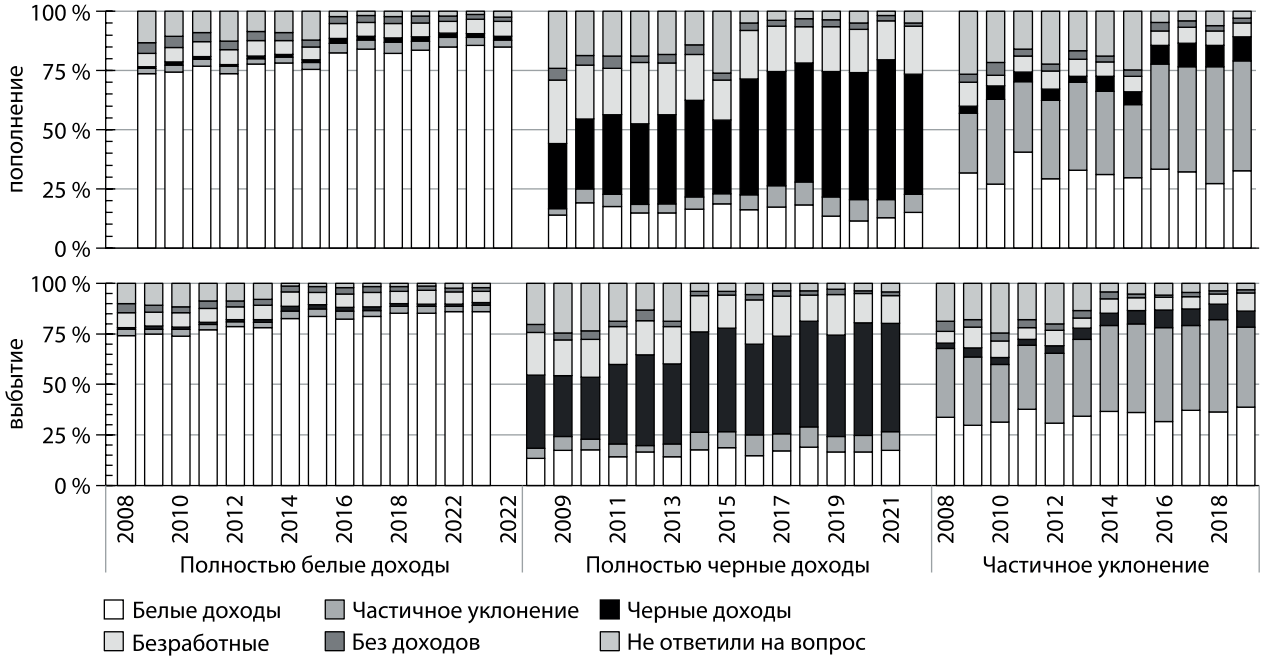

Рис. 6. Баланс уклонения от уплаты налогов (основное место работы)
Fig. 6. Balance of tax evasion (main place of work)

Примечание: расчеты автора по микроданным РМЭЗ ВШЭ (выборка в целом). Условия уплаты налогов по всем респондентам, сообщившим о наличии доходов от постоянной занятости.

привлекала безработных и ранее занятых вне организаций (до 37 % в 2014 г.). Вновь теневая занятость оставила без работы, на этот раз рекордные 23 % неоформленных работников.

Несмотря на схожесть процессов, после кризиса структура неоформленной занятости изменилась, укрепилось ядро постоянно неоформленных работников. Если до кризиса не более 55 % неоформленных сохраняли место занятости и профессию, то после кризиса их доля возросла до 70 % к 2018 г. Но при этом резко снизилась привлекательность неоформленной занятости для оформленных: если в начале века каждый третий неоформленный годом ранее имел формальное место, то к середине 2010-х гг. лишь каждый пятый. Внешне окрепшей, менее требовательной, постоянно растущей теневая занятость подошла к 2020 г., а далее пандемия: поток «обеления», несколько возросший на рубеже 2019–2020 гг., упал до минимума, неоформленная занятость впервые на фоне кризиса снижает привлечение безработных и неформально занятых.

Обратимся к модели «баланса уклонения от уплаты налогов», отраженной на рисунке 6. Фактор уклонения от уплаты налогов определен на основании открытого вопроса J10.1 (с 2008 по 2014 г.) и закрытого вопроса J10.3 (с 2015 по 2022 г.). Анализ распределения ответов на открытый вопрос («...какой процент этих денег был проведен официально?») показал выброс на ответе «13 %» (до 5 % всех ответов). Учитывая формулировку вопроса и тот факт, что общая ставка НДФЛ в исследуемом периоде составляла 13 %, полагаем, что респонденты пытались сообщить о полной уплате налогов. Вместе с тем к числу полностью уклоняющихся от уплаты налогов отнесены респонденты, сообщившие, что с менее чем 10 % их доходов удержаны налоги и сборы.

Динамика уклонения от уплаты налогов демонстрирует относительную стабильность структуры (с учетом изменения вопроса в 2015 г.), несмотря на рост доли уклоняющихся работников в 2009 г. на 2,7–3,6 п. п. и снижение доли уклоняющихся в следующем году на 0,9–1,7 п. п., а также рост доли уклоняющихся в 2014 г. на 1,2–1,4 %. Первый рост в основном пришелся на новых частично уклоняющихся из числа ранее безработных; в 2009 г. лишь 29 % ранее уклонялись от налогов. Второй рост связан с рекордным уклонением ранее честных налогоплательщиков. Данные свидетельствуют о том, что 6 % честных налогоплательщиков в 2014–2015 гг. стали уклоняться (в основном частично). Социологическое исследование

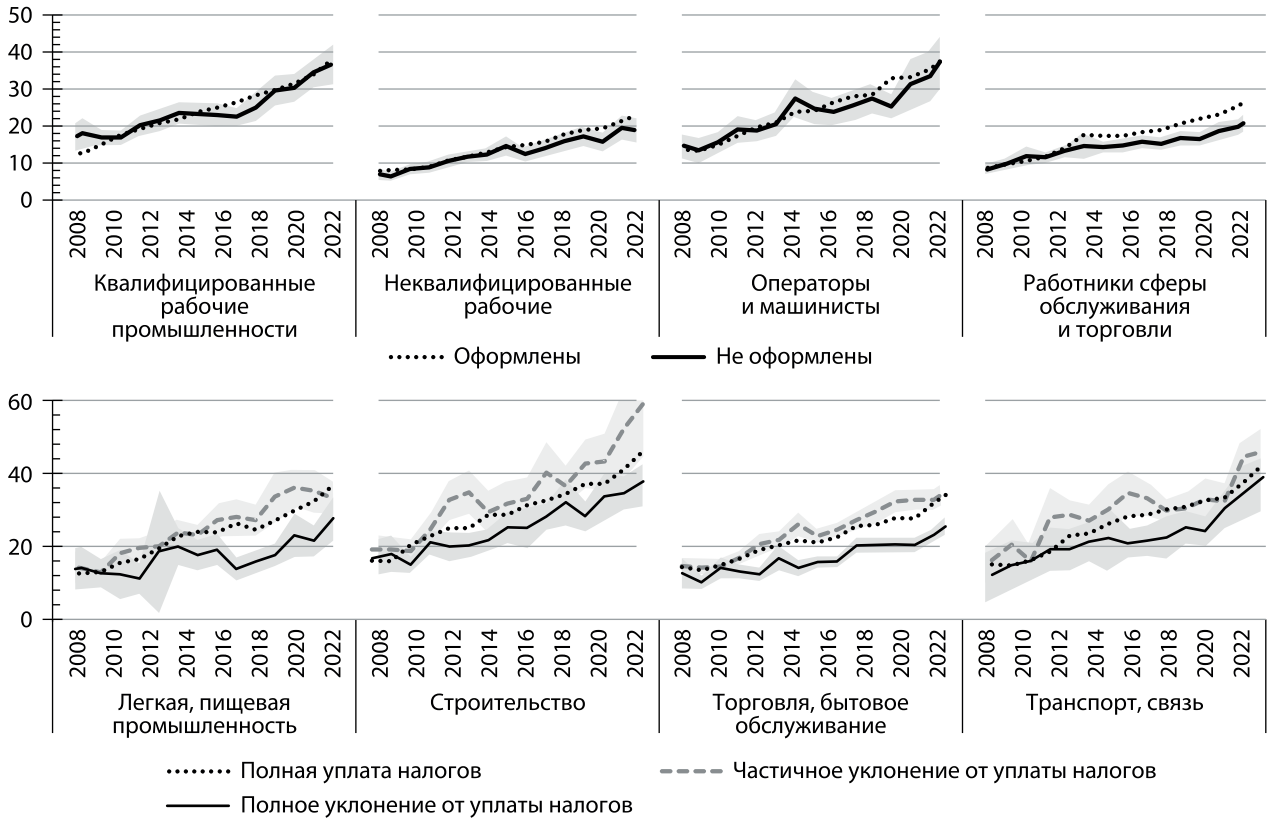

Рис. 7. Средние доходы оформленных и неоформленных работников за 30 дней, предшествующих опросу, тыс. руб.
Fig. 7. Average income of formalized and non-formalized workers for 30 days preceding the survey, thousand rubles

Источник: расчеты автора по микроданным РМЭЗ (репрезентативная выборка).

кризиса в 2015 г., проведенное Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ИНСАП РАНХиГС) при Президенте РФ и АНО «Левада-Центр», показывает постепенный переход работников на зарплату «в конверте» с 6,7 % в феврале до 11 % в октябре 2015 г. [19, с. 96]. Удивляет и тот факт, что и в отношении уклонения от налогов кризис 2020 г. показал снижение доли уклоняющихся наемных работников на 1,4–1,9 п. п. Ввиду этого интересно изучить примерные оценки доходов теневых работников, что отражено на рисунке 7.

Данные свидетельствуют о том, что до первой перестройки занятости без оформления теневые зарплаты работников в целом сопоставимы, а иногда даже превышали уровень оплаты труда официальных работников. Вероятно, причина заключается в быстром экономическом росте в условиях высокой инфляции.

Кризис 2008 г. изменил структуру теневой занятости, сделал ее более устойчивой. Однако восстановление рынка труда и снижение темпов роста экономики, вероятно, привели к формированию разрыва в оплате труда между оформленными и неоформленными. Вместе с тем кризис 2014 г. вновь привел к наплыву «лишних» работников в процесс занятости без оформления, что способствовало формированию еще большего разрыва. В свою очередь, падение реальной заработной платы во второй половине 2010-х гг., вероятно, привело к снижению эластичности труда. Вследствие этого работники предпочитали получать зарплату «в конверте», а не терять рабочее место. Несмотря на указанное выше, в периоды кризисов неоформленные работники в ряде отраслей зарабатывали больше оформленных. Например, в легкой промышленности (до 9 %), строительстве (до 9 %). В аспекте профессий средние доходы неоформленных специалистов среднего уровня квалификации до перестройки модели неоформленной занятости превышали доходы оформленных в среднем на 36 %. Это относится и к неквалифицированным рабочим, которые зарабатывали в среднем на 12 % больше.

Наконец, рассмотрим малый бизнес, уклоняющийся от регистрации. Из микроданных

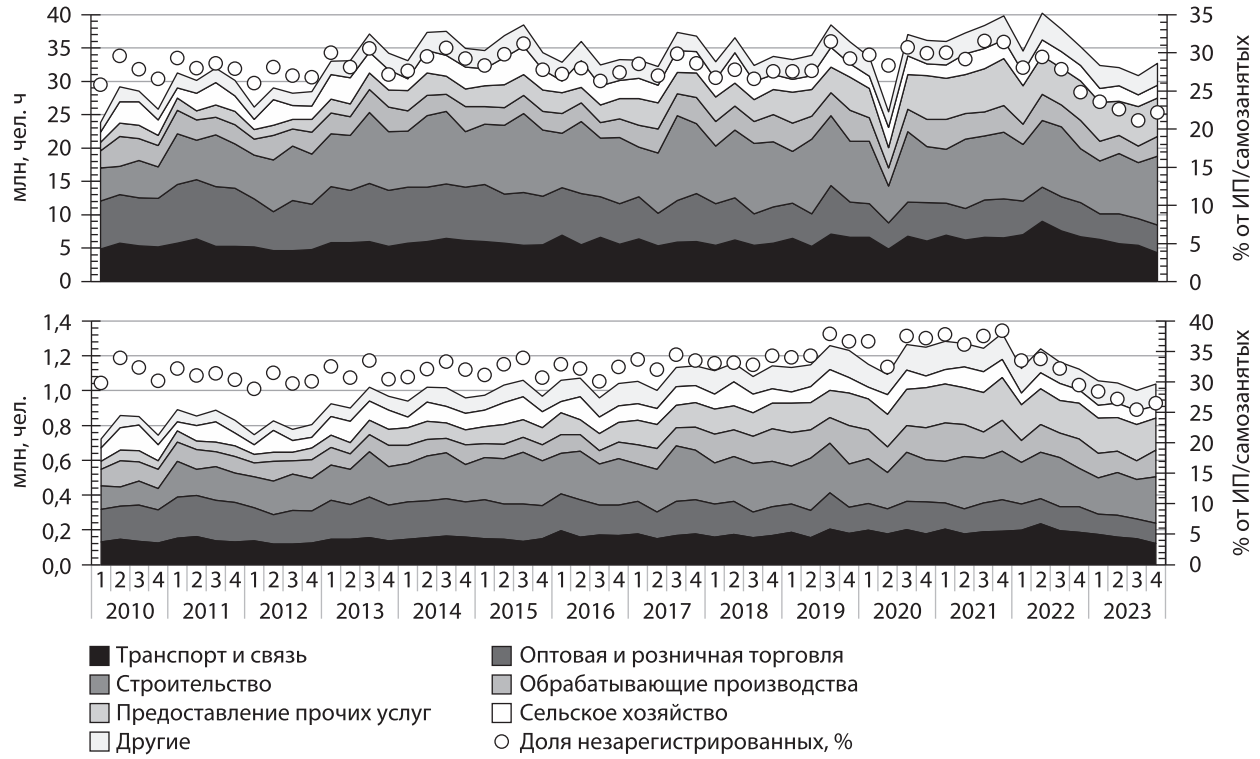

Рис. 8. Динамика численности незарегистрированных самозанятых, 2010–2023 гг.
Fig. 8. Dynamics of the number of the unregistered self-employed, 2010–2023

Источник: расчеты автора по микроданным ОРС Росстата; разделы по ОКВЭД 2007.

ОРС следует, что в среднем на действующих «без регистрации или оформления документов» и (или) заявивших о том, что «регистрация деятельности в стадии оформления», приходится не менее 26–35 % от числа предпринимателей и самозанятых по основному месту занятости. Показатель незарегистрированной самозанятости используется Росстатом для оценки «незарегистрированной деятельности» в сфере услуг населения (приказ Росстата от 20 декабря 2023 г. № 668). Это создает корреляцию между долей теневых самозанятых и оценкой ННЭ по основным отраслям последней.

Динамика количества заявленных теневых самозанятых и индивидуальных предпринимателей демонстрирует, что в период спадов производства в таких отраслях, как строительство (конъюнктура во многом повторяет динамику регистрируемых самозанятых), предоставление прочих видов услуг (исключение 2022 г.), здравоохранение и предоставление социальных услуг (исключение 2020 г.), а также операции с недвижимым имуществом, доля (а в ряде случаев и число) теневых предпринимателей росли на фоне «сжатия» выпуска отрасли. В то же время в таких отраслях, как обрабатывающие производства, гостиницы и предприятия общественного питания, транспорт и связь (исключение транспортировки и хранения в 2020 г.), сельское хозяйство (исключение 2019–2020 гг.), торговля (исключение 2020 г.), доля и количество теневых предпринимателей без образования юридического лица сокращались.

Важная особенность теневой самозанятости — диспропорция вклада теневых занятых в общее отработанное рабочее время, как видно на рисунке 8. Если среди неоформленных работников разрыв с учетом профессии не превышает 10 % (а среди водителей, операторов, строителей и т. д. даже наблюдается обратный разрыв), то теневые самозанятые по ряду видов деятельности работают на 20–25 % меньше часов их официальных коллег.

Анализ данных профессиональной принадлежности и видов деятельности теневых самозанятых позволяет выделить особую группу самозанятых, работающих в отраслях с формально жестким государственным регулированием, но с фактическим игнорированием регламентов при предоставлении конечных услуг населению: например, специалисты в области образования (до 81 %),

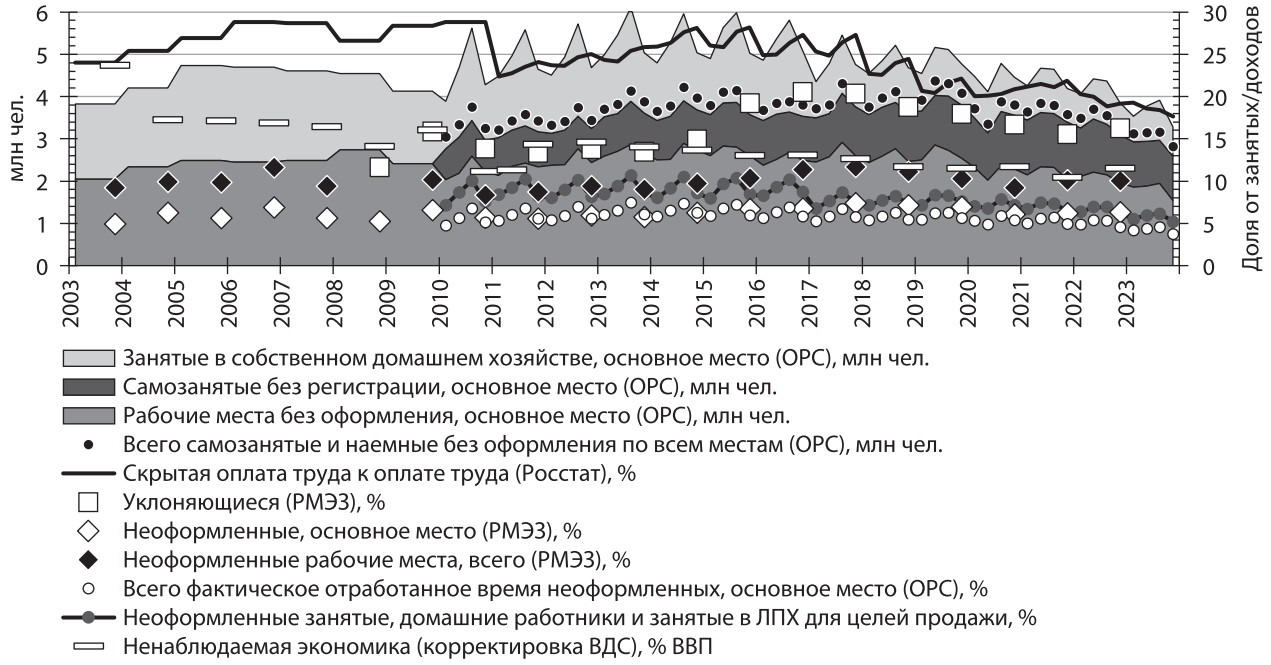

Рис. 9. Динамика основных показателей объема теневой экономики, 2003–2023 гг.
Fig. 9. Dynamics of the main indicators of the shadow economy volume, 2003–2023

Примечание. Скрытая оплата труда скорректирована по итогам разработки базовых таблиц «Затраты-выпуск» за 2011 г.; значение по ОРС до 2010 г. в годовом выражении. Результаты РМЭЗ приняты за IV квартал отчетного года.

Источник: расчеты автора по микроданным ОРС и РМЭЗ (репрезентативная выборка), годовые оценки смешанных доходов до 2010 г. по данным консолидированных счетов Росстата, оценки с 2011 г. в квартальной динамике по данным ЕМИСС.

квалифицированный персонал в строительстве (до 64 %). Численность этой группы растет или остается стабильной в периоды экономических спадов, отражая зависимость от реальных доходов населения, а не от общей экономической конъюнктуры.

Наконец, общая оценка динамики теневых процессов в экономике может быть продемонстрирована на данных о ненаблюдаемых прямыми статистическими методами доходах наемных работников, что отражено на рисунке 9. Эта оценка, рассчитываемая Росстатом балансовым методом как расхождение между расходами и формально зарегистрированными доходами, показывает, что теневые доходы возрастали в периоды кризисов.

Имеющиеся ограниченные эмпирические данные позволяют выделить три группы, определяющие сложную динамику теневой экономики:

- структурная (укорененная) теневая экономика включает в себя теневых субъектов, которые ввиду организации рынка и мер государственного регулирования обладают особыми преимуществами, способствующими сегментации и выделению рыночной ниши теневой деятельности;
- теневая экономика аутсайдеров включает в себя хозяйствующих субъектов, не способных конкурировать на равных условиях по правилам официального рынка. Это вынужденные неоформленные работники, исключенные из-за дискриминации, отсутствия документов, образования, лицензий и т. д.;
- реактивная теневая экономика описывает группу экономических агентов, которые временно прибегают к теневым практикам в качестве реакции на неблагоприятные условия, с возможностью либо перейти в категорию аутсайдеров, либо со временем легализоваться.

Полагаем, что в кризисных условиях укорененные теневые предприятия при условии сохранения спроса на продукцию переживают кризисные явления без потрясений. К этой категории относятся, например, самозанятые и работники, оказывающие услуги населению, занятые в строительстве, пищевой промышленности, на профессиях водителей, репетиторов.

Вместе с тем теневая экономика аутсайдеров подвергается значительному давлению как со стороны возросшей конкуренции на сокращающихся рынках, так и со сторо-

ны Правительства, которое видит в них потенциал для поддержания официальной экономики. К этому сегменту, вероятно, относятся неквалифицированные работники, сфера торговли, обрабатывающая промышленность.

Наконец, некоторая часть официальной экономики (реактивная теневая экономика) прибегает к отдельным теневым практикам, что усиливает давление на бедствующую экономику аутсайдеров. Эти практики, по-видимому, носят ограниченный характер и не ведут к полному уходу в тень. Например, частичная выплата заработной платы «в конверте» в организациях преобладает над полным уклонением от налогов, а уровень переходов из официальной занятости в неоформленную не превышает 2 %.

Таким образом, проверяемые гипотезы нашли лишь частичное подтверждение в исследованных эмпирических данных:

- наши выводы согласуются с ранними выводами [14] о высокой межгрупповой мобильности теневой занятости в 2000-е гг. Теневая занятость обладает большей гибкостью, глубиной ротации, она привлекает безработных в условиях кризиса. Однако мы не видим, чтобы неоформленные работники и самозанятые могли эффективно поглощать и сохранять занятость в период кризисов. Годичное изменение доли неоформленных занятых в большинстве отраслей (за исключением сельского хозяйства, строительства, гостиниц и общепита) не превышает 1 %. Данные о самозанятых более оптимистичны и показывают гибкость также в сфере образования, обрабатывающей промышленности, торговли, транспорта и услуг;
- примерно половину всех неоформленных работников ежегодно привлекают из числа ранее оформленных и безработных. Схожая ротация наблюдается среди уклоняющихся от уплаты налогов. В этом наши результаты согласуются с предположением [8] о снижении оплаты труда неоформленных в условиях кризиса и крайне ограниченном влиянии теневой занятости на рынок труда;
- до кризиса 2014 г. занятость без оформления, вероятно, служила прелюдией к будущему официальному оформлению и защитой от безработицы. Однако стагнация экономики и реальных доходов привели к снижению межгрупповой мобильности. Иными словами, занятость без оформления становится фактором дестабилизации для «постоянных» теневых работников;
- частичное уклонение от уплаты налогов в большей мере соответствует описанию теневых практик как «амортизатора» социальных издержек. Уклоняющиеся, вероятно, имеют прямое материальное преимущество перед «честными» работниками, но их стабильность занятости ниже (по состоянию на 2021 г. медианные четыре года против семи у «честных» работодателей);
- способность теневой экономики абсорбировать хозяйствующих субъектов, находящихся в сложном положении, и расти на фоне нестабильности, видимо, определена видом деятельности, профессией занятых, характером кризиса и государственными мерами регулирования рынка. Отрасли, в которых МСП уверенно стоят на ногах, в периоды кризисов могут демонстрировать полный уход в тень существенной части МСП. Таким образом, наши выводы согласуются с выводами [13; 16] о роли малого бизнеса в теневой экономике;
- представляется нереалистичным существование в современных условиях теневых промышленных гигантов или теневого квазигосударственного сектора. Ни в динамике уклонения от уплаты налогов, ни в занятости, ни в динамике ННЭ нет признаков успехов подобного теневого бизнеса;
- подтверждаем проциклический характер теневой экономики [6] относительно выпуска на двух из трех кризисных периодов, а также контрциклический характер отдельных секторов. Однако при текущей структуре российской экономики, налоговой и бюджетной дисциплине теневая экономика не способна оказывать существенного влияния на макроэкономическую стабильность, которое ей обычно приписывают.

Основная часть теневой экономики, охарактеризованная в работе, сосредоточена в МСП: 80 % уклоняющихся от налогов и столько же неоформленных работников заняты на предприятиях с численностью работников до 50 человек. Переоценка влияния теневой экономики, вероятно, возникает из-за включения в нее домашних работников, занятых на личных подсобных хозяйствах для продажи продукции (занятых в неформальном секторе), а также фактора прекариата. Борьба с этими явлениями, их «обеление» и регулирование не увенчались

успехом в Советском Союзе, и тем более успех маловероятен в условиях рыночной экономики.

В свою очередь, меры государственного противодействия теневой экономике должны учитывать особенности различных групп субъектов теневого сектора и точечно направлять инструменты для обеспечения социально-экономической стабильности и благополучия. В частности, можно предложить следующие направления:

- для «укорененных» теневых субъектов целесообразно реформировать рынки, запятнанные теневой экономикой. Политика кнута и пряника, сочетающая усиление контроля и ответственности, увеличивающая давление на официальные предприятия, которые генерируют положительные внешние эффекты для теневой экономики или создают инфраструктуру, поддерживающую их деятельность;
- в отношении теневых субъектов (аутсайдеров) приоритетом должно быть расширение доступа к занятости и самозанятости в легальной экономике. Программы финансирования, обучения и переквалификации могут стать ключевыми инструментами в этом процессе;
- для «реактивных» теневых субъектов критически значимым является обеспечение общего оздоровления деловой среды, стабильности экономики и перспектив устойчивого развития.

Наряду с дифференцированным подходом к различным группам теневых субъектов необходимы и общие меры по «обелению» экономики: укрепление налоговой дисциплины, снижение коррупции, защита прав собственности. Важную роль играет также формирование культуры добросовестного предпринимательства и нетерпимости общества к теневым практикам.

Список источников

1. *Рябушкин Б. Т., Чурилова Э. Ю.* Методы оценки теневого и неформального секторов экономики. М.: Финансы и статистика, 2003. 144 с.
2. *Латов Ю. В.* Роль теневой экономики в социально-экономической истории // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7. № 3. С. 9–48.
3. *Goel R. K., Saunoris J. W., Schneider F.* Growth in the shadows: Effect of the shadow economy on U.S. economic growth over more than a century // Contemporary Economic Policy. 2019. Vol. 37. No. 1. P. 50–67. DOI: 10.1111/coep.12288
4. *Afonso O., Neves P. C., Pinto T.* The non-observed economy and economic growth: A meta-analysis // Economic Systems. 2020. Vol. 44. No. 1. Article No. 100746. DOI: 10.1016/j.ecosys.2020.100746
5. *Birinci S.* Trade openness, growth, and informality: Panel VAR evidence from OECD economies // Economics Bulletin. 2013. Vol. 33. No. 1. P. 694–705.
6. Global economic prospects: Darkening skies. Washington, DC: World Bank Group, 2019. 270 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1343-6
7. *Elgin C. et al.* Growing apart or moving together? Synchronization of informal- and formal-economy business cycles // // The long shadow of informality: Challenges and policies / eds. F. Ohnsorge, S. Yu. Washington, DC: World Bank Group, 2022. P. 93–122. DOI: 10.1596/978-1-4648-1753-3_ch3
8. *Guriev S., Speciale B., Tuccio M.* How do regulated and unregulated labor markets respond to shocks? Evidence from immigrants during the Great Recession // The Journal of Law, Economics, and Organization. 2019. Vol. 35. No. 1. P. 37–76. DOI: 10.1093/jleo/ewy017
9. *Найденов А. С., Кривенко И. А.* Теневая экономика в условиях экономического кризиса: диагностика состояния и прогнозирование последствий // Экономика региона. 2013. № 1. С. 46–53. DOI: 10.17059/2013-1-4
10. *Агарков Г. А.* Теневая экономика региона: моделирование, анализ, противодействие. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2008. 263 с.
11. *Булетова Н. Е., Губин А. М., Шаркевич И. В.* Многоаспектность функционирования теневой экономики в условиях кризиса: оценка тенденций и угроз экономической безопасности России // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 4. С. 1337–1352. DOI: 10.18334/ecsec.5.4.115183
12. *Нуреев Р. М., Ахмадеев Д. Р.* Современный кризис и его влияние на неформальную занятость в России // Journal of Economic Regulation / Вопросы регулирования экономики. 2021. Т. 12. № 1. С. 6–22. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.1.006-022
13. *Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Светова В. А.* Россия под санкциями: теневая экономика — фактор гибкости? // ЭКО: всероссийский экономический журнал. 2023. № 12. С. 30–47. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-30-47
14. *Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И.* Между светом и тенью: межсекторная мобильность // В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография / под ред.

В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: ИД Высшей школы экономики, 2014. С. 290–335.
15. *Куницына Н. Н., Джиоев А. В.* Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 2. С. 437–450. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-11
16. *Кубишин Е. С.* Неформальная занятость в России: влияние и уроки пандемии // Вопросы политической экономии. 2021. № 3. С. 53–69. DOI: 10.5281/zenodo.5555804
17. Eurostat's tabular approach to exhaustiveness: Guidelines // 5th Meeting of the GNI Expert Group. Brussel: European Commission. 2021. P. 1–88. (EUROSTAT/C3/GNIG/110). URL: https://circabc.europa.eu/ui/group/7eb29b7b-33b0-4c9f-851b-e370277bb9e5/library/388028ed-d4dc-4a5f-8909-09128a55ca05/details (дата обращения: 29.04.2024).
18. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: http://www.hse.ru/rlms (дата обращения: 20.04.2024).
19. 2014–2015 годы: экономический кризис — социальное измерение: науч. доклад / под ред. Т. М. Малевой. М.: Дело, 2016. 112 с.

References

1. Ryabushkin B.T., Churilova E.Yu. Methods for assessing the shadow and informal sectors of the economy. Moscow: Finansy i statistika; 2003. 144 p. (In Russ.).
2. Latov Yu.V. The role of the shadow economy in socio-economic history. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics.* 2006;7(3):9-48. (In Russ.).
3. Goel R.K., Saunoris J.W., Schneider F. Growth in the shadows: Effect of the shadow economy on U.S. economic growth over more than a century. *Contemporary Economic Policy*. 2019;37(1):50-67. DOI: 10.1111/coep.12288
4. Afonso O., Neves P.C., Pinto T. The non-observed economy and economic growth: A meta-analysis. *Economic Systems*. 2020;44(1):100746. DOI: 10.1016/j.ecosys.2020.100746
5. Birinci S. Trade openness, growth, and informality: Panel VAR evidence from OECD economies. *Economics Bulletin*. 2013;33(1):694-705.
6. Global economic prospects: Darkening skies. Washington, DC: World Bank Group; 2019. 270 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1343-6
7. Elgin C., et al. Growing apart or moving together? Synchronization of informal- and formal-economy business cycles. In: Ohnsorge F., Yu S., eds. The long shadow of informality: Challenges and policies. Washington, DC: World Bank Group; 2022:93-122. DOI: 10.1596/978-1-4648-1753-3_ch3
8. Guriev S., Speciale B., Tuccio M. How do regulated and unregulated labor markets respond to shocks? Evidence from immigrants during the Great Recession. *The Journal of Law, Economics, and Organization*. 2019;35(1):37-76. DOI: 10.1093/jleo/ewy017
9. Naidenov A.S., Krivenko I.A. Shadow economy in the context of economic crisis: Circumstance analysis and the forecasting of consequences. *Ekonomika regiona = Economy of Regions.* 2013;(1):46-53. (In Russ.). DOI: 10.17059/2013-1-4
10. Agarkov G.A. Shadow economy of the region: Modeling, analysis, counteraction. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2008. 263 p. (In Russ.).
11. Buletova N.E., Gubin A.M., Sharkevich I.V. The multidimensional nature of the shadow economy during the crisis: Assessing trends and threats to Russia's economic security. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security.* 2022;5(4):1337-1352. (In Russ.). DOI: 10.18334/ecsec.5.4.115183
12. Nureev R.M., Akhmadeev D.R. The contemporary crisis and its influence on informal employment in Russia. *Journal of Economic Regulation*. 2021;12(1):6-22. (In Russ.). DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.1.006-022
13. Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Svetova V.A. Russia under sanctions: Is shadow economy a factor of flexibility? *EKO: vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = ECO Journal.* 2023;(12):30-47. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-30-47
14. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. Between light and shadow: Intersectoral mobility. In: Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I., eds. In the shadow of regulation: Informality in the Russian labor market. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2014:290-335. (In Russ.).
15. Kunitsyna N.N., Dzhioev A.V. Dependence of informal employment on population income in Russian regions: Lessons from the pandemic. *Ekonomika regiona = Economy of Regions.* 2023;19(2):437-450. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-11
16. Kubishin E.S. Informal employment in Russia: The influence and lessons of the pandemic. *Voprosy politicheskoi ekonomii = Problems in Political Economy.* 2021;(3):53-69. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.5555804

17. Eurostat's tabular approach to exhaustiveness: Guidelines. In: 5th Meeting of the GNI Expert Group. Brussel: European Commission; 2021:1-88. (EUROSTAT/C3/GNIG/110). URL: https://circabc.europa.eu/ui/group/7eb29b7b-33b0-4c9f-851b-e370277bb9e5/library/388028ed-d4dc-4a5f-8909-09128a55ca05/details (accessed on 29.04.2024).
18. Russia Longitudinal Monitoring survey by NRU HSE. NRU Higher School of Economics. URL: http://www.hse.ru/rlms (accessed on 20.04.2024). (In Russ.).
19. Maleva T.M., ed. 2014-2015 Economic crisis — social dimension: Scientific report. Moscow: Delo; 2016. 112 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Даниил Михайлович Оробченко

аспирант

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21

Поступила в редакцию 15.05.2024
Прошла рецензирование 14.06.2024
Подписана в печать 26.06.2024

Information about the author

Daniil M. Orobchenko

postgraduate student

St. Petersburg State University of Economics

21 Sadovaya st., St. Petersburg 191023, Russia

Received 15.05.2024
Revised 14.06.2024
Accepted 26.06.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.